

**В
семье
не
без
анимешника**

№ 24 февраль 2015

ВНИМАНИЕ!!!

Журнал является **НЕ** коммерческим изданием. Все участники журнала работают бесплатно, на добровольных началах. Мы **НЕ** взимаем плату за публикацию произведений, **НЕ** производим пересылку номеров авторам с их произведениями и **НЕ** платим гонорары.

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины и РФ, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.

Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Почтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

При копировании материала ссылка на АВТОРА и аниме журнал «В семье не без анимешника» **ОБЯЗАТЕЛЬНА**

Мы в интернете:

www.psanimezhurnal.do.am

facebook.com/vsemienebezanime

vk.com/v_semie_ne_bez_anime

odnoklassniki.ru/group/52251197243481

Сегодня в номере

ТОП аниме	5
Февральское затишье	
Прости за любовь—промежуток в год	7
Обзорчик	
К вопросу о наследниках	9
Вариации на тему...	
Хочу с тобою я согреться	14
Немного поэзии	
Если бы...	15
Алукард и Серас	
Не стоит прощаться	18
Данте...	
Первый день вампира	20
Как все неожиданно	
Лабиринт Ариадны	22
Разговор со слугой	

ВНИМАНИЕ!!!

Журнал "В семье не без анимешника" при поддержке Литературного интернет-издания "PS" и аниме-группы "Гильдия анимешников" проводит конкурс фанфиков.

Подробности на Интернет-ресурсах журнала

Топ аниме

Аниме - прекрасный и красочный мир. Глаза прямо так и разбегаются, что же посмотреть. Так давайте определим, какое аниме лучше!

Поставь лайк под картинкой из альбома с любимым аниме (если твоего любимого аниме нет в альбоме, просто добавь картинку) и все!

Happy Valentine's Day!

Сегодня праздник всех влюбленных! Дарите любовь своим близким, не стесняйтесь!

Но перейдем к нашему номеру.

Сегодня у нас немного фанфиков и всего один обзор.

Конечно, большинство творений наших авторов об аниме «Хеллсинг», но и Данте не остался без внимания.

Раиса Твердая расскажет о прекрасном аниме «Прости за любовь – промежуток в год».

Новости проекта «Манга «Летописи межмирья». Выход второй главы, увы, снова откладывается на неопределенный срок. На этот раз причиной послужила болезнь нашего художника. Мы надеемся, что она скоро поправится и вернется в строй.

На это все ,приятного прочтения!

1	Темный дворецкий	82
2	Тетрадь Смерти	78
3	Хвост феи	61
4	Мастера Мега Онлайн	60
5	Стальной алхимик	45

Место	Аниме	Голоса
6	«Синий Экзорцист»	43
7	Пожиратель душ	43
8	Another	40
9	«Хеллсинг»	38
10	«Код глас»	37
11	«Волчица и пряности»	37
12	«Ангельские ритмы»	37
13	«Наруто»	36
14	«Эльфийская песнь»	35
15	Президент судсовета горничная	35
16	«Меланхолия Харухи Судзумии»	35
17	«Duragara!»	33
18	«Вторжение Титанов»	32
19	«Блич»	31
20	«Розарио + вампир»	29
21	«Сатана на подработке»	26
22	«Рыцарь вампир»	26
23	К-On! Легкая музыка	25
24	«Рандеву с жизнью»	25
25	Невиданный цветок	25
26	«Сердце Пандоры»	24
27	Баскетбол Куроко	24
28	«Клинок королевы»	24
29	«Штурмовые ведьмы»	23
30	«Ускоренный мир»	23
31	«Project K»	22
32	«Судьба: Ночь схватки»	21
33	«Клинок ведьм»	21
34	«Girls und Panzer»	20

<i>Место</i>	<i>Аниме</i>	<i>Голоса</i>
35	«Наследник Дьявола» 2	20
36	«No.6»	20
37	«Пираты черной лагуны»	20
38	И дьявол может плакать	19
39	Братство черной крови	19
40	«Когда плачут цикады»	19
41	«Судьба: Начало»	19
42	«Крестовый поход Хроно»	18
43	«Ван пис»	18
44	«Крейсер "Надэсико"»	17
45	Дотянуться до тебя	17
46	Kill la Kill	16
47	«Ромео и Джульетта»	15
48	Боевые библиотекари	14
49	Clannad	14
50	Нодамэ Кантабиле	13
51	Врата Штайна	13
52	«Граница пустоты: сад грешников»	12
53	Заклинательница зверей Эрин	11
54	Альянс Серокрылых	11
55	Тетрадь Дружбы Нацуме	11
56	Высь	10
57	Мёд и клевер	10
58	Коппелион	6
59	Ходячий замок Хаула	6
60	Gurren Lagann	5
61	Нет игры, нет жизни	5
62	Унесенные призраками	5
63	Покемоны	5
64	Симфония морской стали	5
65	Vakemonogatari	4
66	Несокрушимая механическая кукла	4
67	Король шаманов	4
68	«Крейсер "Надэсико" Принц тьмы»	4
69	Триган	3
70	Девы Галилея	3
71	Бродяга Кенсин	3
72	Евангелион	2
73	Очень приятно, Бог	2

Прости за любовь - промежуток в год

Приметка: имена писала в соответствии с той озвучкой, с которой смотрела.

Что делать, если человек умрет через год от неизлечимой болезни, а жизнь для него только-только начала обретать радостные краски? Можно ли кого-нибудь спасти перед смертью? И стоит ли?

Именно в такую ситуацию попадает главный герой корейского аниме «Прости за любовь – промежуток в год» («Sorry I Love You – Between of One Year») – Ацуши. Вообще-то, в основе данной киноленты лежит корейская

драма «I'm Sorry, I Love You».

Когда-то давно мать Ацуши отказалась от малыша. Будучи уверенным, что самый родной человек оставил ребенка из-за бедности, Ацуши не испытывает ненависти к матери. Он полностью уверен, что она это сделала только для того, чтобы спасти своего дитя. С тех пор прошло уже много лет. Парень вырос, теперь он живет в Австралии, но с мамой так и не виделся.

В один день юноша узнает, что смертельно болен. Ему жить осталось всего лишь год. По совету

друга он возвращается в Корею, чтобы встретиться со своей матерью. Вот такую предысторию имеет аниме.

Ацуши все-таки удается найти свою мать. Только он ей не нужен: у женщины есть другой сын – Йон, известный поп-идол. Но встреча для героя не прошла бесследно. В доме матери Ацуши знакомится с Сон. Он влюбляется в девушку. Только так не должно быть – парень же скоро умрёт. А Сон влюблена в его брата, который, кстати, тоже находится при смерти. Йону нужна пересадка сердца.

О состоянии брата Ацуши узнает от девушки. Недолго думая, парень сообщает ей, что отдаст свое сердце Йону, ведь ему все равно жить мало осталось. Но взамен молодой человек потребовал, чтобы до его смерти Сон была рядом. Она согласилась, ведь возлюбленный будет спасен.

Со временем Сон влюбилась в Ацуши. Даже призналась ему в своих чувствах. Хотя они оба прекрасно понимали, что у них нет будущего. Через некоторое время он умер. А его сердце пересадили Йону.

После смерти Ацуши жизни героев изменились. Больше всего изменилась его мать, хотя женщина так и не узнала, что молодой человек, который спас жизнь Йону, был ее вторым сыном. Но хуже всего пришлось Сон. После гибели любимого она была совсем не в себе – ходила, словно привидение, ей повсюду мерещился Ацуши. Спустя некоторое время

девушка вроде смирилась с его смертью. Но надолго ли?

Как уже было указано, «Прости за любовь – промежуток в год» – корейское аниме. Если точно, то его родиной является Южная Корея. Это короткометражный фильм (около 35 минут), который был создан на студии G&G Entertainment. Премьерный показ состоялся в 2006 году. Жанры короткометражки – драма, романтика. Сценарий написал Lee Kyung Hee. В аниме используется очень большое количество песен. Фактически каждая сцена сопровождается своей композицией. Но наиболее запоминающаяся песня – та, которая играет в титрах. Она очень грустная и служит своеобразным итогом всего фильма.

Спешу предупредить тех, кто собирается смотреть «Прости за любовь – промежуток в год», – happy end'a не будет. Также нужно отметить, что его сложно смотреть без

знания сюжета драмы, ведь многие детали не будут понятными. Но с другой стороны, короткометражка пересказывает основные факты сериала.

Отдельно скажу о графике аниме. Во-первых, почти все персонажи очень бледные, чуть ли не белые. Во-вторых, в некоторых кадрах наблюдается плоскость персонажей (словно на листке) и застывание их движений. В-третьих, многие герои немножко внешне друг на друга похожи.

Посмотреть «Прости за любовь – промежуток в год», думаю, стоит. Особенно тем, кто любит истории о любви. Весьма трагическая судьба у главного героя, хотя, я считаю, в определенное время он все же был счастлив. А также короткометражка напоминает о том, что все заслуживают на любовь.

Автор: Раиса Твердая

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДНИКАХ

Леди Интегра Файрбрук Вингейтс Хеллсинг с раздражением выпустила дым и, раздавив окурок в пепельнице, резко встала из-за своего стола. Она подошла к окну, слегка отодвинула тяжелую портьеру, впуская свет утреннего солнца. Леди Интегра подарила дневному светилу насмешливую улыбку, не виделись они довольно давно, но никакой радости по поводу встречи она не испытывала. С волками жить – по-волчьи выть. Глава дома Хеллсинг, как и некоторые ее кровососущие подчиненные, вела преимущественно ночной образ жизни. Но и при таком расписании выходило, что сегодня она засиделась допоздна. Однако, сегодня спать ей не давали не упыри, вампиры или прочая мразь, населяющая Лондон, а факты ее собственной непогрешимой биографии. А факты эти говорили о том, что, во-первых, у нее сегодня день рождения, а во-вторых, это тридцать пятый день рождения в ее жизни.

Леди Интегра бросила злобный взгляд на письма, только что принесенные Уолтером, но те не

только не сбежали в страхе со стола, но даже имели наглость не превратиться в пепел. В процессе борьбы за жизнь и спокойствие граждан Англии, ей было недосуг отмечать дни рождения, но этот был особенным. Тридцать пять лет. Честно говоря, она надеялась, что этот возраст никогда не наступит, но вот сегодня, тем не менее, официальные поздравления от дальних родственников и некоторых чиновников возвестили именно об этом.

Тридцать пять лет. Это возраст, в котором, хочет она того или нет, она должна обзавестись, наконец, наследником. Если протянуть с этим еще лет пять-десять, она рискует не успеть обучить будущего отпрыска азам своего ремесла. В отличие от своего отца, она собиралась включить в программу обучения курс «Как выносить присутствие Алукарда», а так же дополнительный курс «Как выносить то, что он притаскивает домой», потому как госпожа Интегра всерьез опасалась, что лет через пять плюнуть в замке будет негде от Алукардовых подружек.

Дело осложнялось тем, что особе благородных кровей не пристало заводить детей от кого попало. Для этих целей требовался супруг. Желательно, не менее благородный. Вот только толпы желающих немедленно вступить в брак с главой семьи Хеллсинг за воротами штаб-квартиры не наблюдалось. Такое иногда случается, если большую часть жизни ты проводишь либо в одиночестве, либо в обществе упырей и вампиров.

- Уолтер! – отвернувшись от окна, позвала она.

Не было никого лучше для столь деликатных поручений, чем старый Уолтер. Он не был болтлив или язвителен, быстро выполнял свою работу и исчезал так же тихо, как появлялся. Отдав распоряжение о составлении списка потенциальных жертв, по принципу благосостояния, положения в обществе и чистоты родословной, Интегра с чистой совестью отправилась спать.

Уже за чашкой вечернего чая она изучала кандидатов. Заботливый

Уолтер приложил к досье богатейших и влиятельнейших англичан фотографии, хотя его об этом никто и не просил. При одном только взгляде на некоторые лица читать уже не хотелось, но леди Интегра собрала в кулак свою легендарную волю и продолжила изучение. Вскоре ей попалось фото относительно молодого блондина с пронзительно-голубыми глазами.

- Не советую, - внезапно раздался голос из-за ее спины, только многолетняя выучка позволила ей не вздрогнуть, - с четырнадцатого по семнадцатый век предки сэра Сильверстайна вступали исключительно в близкородственные браки. Я бы не хотел, чтобы мой следующий хозяин получил в наследство что-нибудь из их багажа генетических заболеваний. Вы умрете, а мне ему служить...

- Убирайся вон! – поспешно собирая со стола бумаги и запихивая их в ящик стола, прошипела Интегра.

- Нет смысла меня выгонять, я уже все прочитал. Кстати, рекомендую сэра Морриса и сэра Холли.

- Да им же обоим за семьдесят!

- Зато они не обременят вас надолго. Впрочем, ни один не обременит вас надолго, - клыкастая улыбка вампира красноречиво намекала, что он почтет за честь избавить хозяйку от семейного счастья в любой момент в

случае чего.

- Не старайся, - женщина легким жестом отправила папку с досье в мусорку, - ни один не подходит.

- Прикажете, я добуду вам Прекрасного Принца.

- Из-под земли, я полагаю? – зажав в зубах очередную сигариллу, оскалилась она, - Я слышала, они уж лет пятьсот, как перевелись, Алукард.

- Да-а... Было время... - ностальгически прошипел вампир, утопая во тьме, - могу даже сказать, чьи именно пальцы сомкнулись на горле последнего из них...

- Прочь с глаз моих!

- Я надеюсь, вы не собираетесь приглашать меня на свадьбу? Если собираетесь, то хотя бы покормите перед этим...

- Вон!

Тяжелая дверь кабинета заунывно заскрипела, показалась курносая мордашка Серас.

- Хозя... - кокетливо протянула было она, но опомнилась. – О, госпожа Хеллсинг! Я слышала, у Вас скоро свадьба?

- Как Вы себе это представляете, Серас?

Сержант замерла в дверях и попробовала представить госпожу Хеллсинг в подвенечном платье, медленно идущей к алтарю и нервно сглотнула. Интегра в хищно поблескивающих очках, с фирменным семейным оскалом вместо нежной улыбки невесты медленно,

с достоинством делает шаг по красной дорожке. Останавливается. Затягивается сигариллой. Делает еще шаг. Тушит сигариллу о букет. Делает еще шаг, и тут становится видно, что шикарный подол платья за ней несет Алукард, улыбаясь присутствующим леди и лордам во все свои пятьдесят четыре тысячи зубов и щурясь от удовольствия бесчисленными глазами.

- А в качестве священника мы могли бы пригласить отца Андерсена, - мечтательно вздохнула темнота в углу. Ко всему, что он не мог убить, Алукард питал нежнейшую привязанность.

- Ты с ума сошел?! – вскинулась Интегра. – Он же католик!

Из темноты сверкнула жуткая улыбка. Потрясающая женщина! То, что Андерсен собственноручно вырезал пол личного состава организации Хеллсинг, ее не волновало, а вот то, что он католик... За все эти годы он еще ни разу не пожалел, что служит этой леди. Вот чего-чего, а скучать она ему не давала.

Пригрозив оставить Викторию без ужина, а ее хозяина снова запереть в подвале на неопределенный срок, Интегра все-таки выставила за дверь кабинета их обоих. Не дожидаясь, пока Алукард снова куда-нибудь испарится, Серас поспешила спросить:

- А ей обязательно это делать, хозяин? Я

имею в виду... - она замялась, - Ну... не похоже, что госпожа Интегра испытывает радость при мысли о замужестве.

- Время от времени я предлагаю ей второе рождение, что сделало бы ее последней и единственной главой семьи Хеллсинг на долгие столетия и избавило от необходимости заводить детей, но, как видишь...

- Второе рождение? - опешила Серас, обстоятельства ее собственной «дракулолизации» тут же всплыли в памяти в мельчайших подробностях, в том числе непристойные вопросы ее нынешнего хозяина об ЭТОМ. - То есть она...

- С тех пор, как ей исполнилось двенадцать, я не видел рядом с ней ни одного мужчины, кроме Уолтера или Фергюсона. Так что да, моя дорогая хозяйка по-видимому не увлекается таким видом спорта, как секс.

- О-о-о, - с уважением протянула Серас и опустила глаза. Она-то уже прикинула, что мужчина, кроме Уолтера и Фергюсона, в непосредственной близости от госпожи Хеллсинг все-таки вошелся, и это был, ни много, ни мало сам Алукард, о котором лично Серас грезила днем и ночью непрерывно. Так что в личном пантеоне сержанта Интегра только что заставила потесниться парочку свя-

- Уолтер, пригласи-

те сэра Бэннета, сэра Спенсера и сэра Ричардсона на ужин во вторник, среду и четверг соответственно.

- А как же сэр Холли? - незамедлительно вырос из-под земли Алукард.

- Я думал, вы доверяете моему вкусу, Хозяйка.

- По счастью, мне не придется его есть, - огрызнулась Интегра, сверкнув из-под очков ледяными глазами, - так что я могу пренебречь твоим вкусом.

Высший вампир обиженно расплылся по полу аморфной черной массой и утек в ближайшую тень.

- Алукард! - она присела на край стола и подождала, пока его силуэт уставится на нее из темноты семью кровавыми глазами. - Держи свои клыки подальше от моих гостей! Понял?

Темнота меланхолично вздохнула, но ничего не пообещала.

- По крайней мере до конца медового месяца, - как бы между прочим добавила Интегра и вернулась к обсуждению сервировки стола с довольно ухмыляющимся Уолтером. В такие моменты становилось ясно, за что вся нечисть в этом доме так преданно любит свою хозяйку.

Первый претендент на руку леди Интегры не переступил даже порога особняка. Добрый сэр Бэннет, по видимому, любил животных и, остановив-

шись на дорожке перед домом, погладить большого черного пса, вдруг рванул к своей машине с такой скоростью, будто был молодым легкоатлетом, а не пожилым директором национального банка. Наблюдавшая эту сцену из своего окна леди Интегра с хрустом сломала пополам дорожную ручку, но на лице ее не дрогнул ни один мускул. Черный пес как ни в чем не бывало повернулся к окну и подмигнул ей четырьмя правыми глазами.

Сэру Адаму Спенсеру, очередь которого пришла в среду, посчастливилось даже остаться на ужин. Правда, для этого Интегре пришлось строго-настрого запретить Алукарду показываться гостю на глаза в каком бы то ни было облиии. Уолтер как раз производил вторую перемену блюд, когда под дверью столовой раздался душераздирающий замгильный вой. Сэр Спенсер вздрогнул, но счел возможным продолжить разговор в самом дружелюбном ключе:

- Я смотрю, у вас есть собака, - проговорил он.

- Да, - натянуто улыбнулась хозяйка дома, - Редкая порода. Специальный заказ из Чернобыля.

Вряд ли сэр Спенсер знал, что такое Чернобыль, в отличие от леди Интегры, которой как-то пришлось целый месяц травить там радиоактивных упырей, но испарина

на его лбу красноречиво свидетельствовала о том, что он никогда не стал бы проводить там отпуск. Вой продолжался, его мелодичные переливы составляли бокалы на столе звенеть тихо и печально.

- Какая прелесть, - наконец сквозь зубы выдавил сэр Адам. Его воображение уже рисовало огромных размеров зверюгу, которая могла бы обладать подобным голосом. Впрочем, истина во много раз превосходила даже самые смелые из его догадок.

- Только лучшее в доме Хеллсинг, - сгибая под столом серебряную вилку, с достоинством проговорила Интегра. Она готова была поклясться, что спрятавшийся за кухонной перегородкой Уолтер тихо всхлипывает от смеха.

- Ты не выйдешь из подвала, пока сэр Ричардсон не покинет дом, - воспитание не позволяло леди Хеллсинг показать, что она в бешенстве, поэтому она курила одну сигариллу за другой, и горка окурков в пепельнице час от часу росла. Нелегко было справиться с высшим вампиром, твердо стоявшим на страже отсутствия ее личной жизни.

- Как скажете, Хозяйка, - подозрительно легко согласился Алукард и растворился в полумраке кабинета.

На этот раз леди Интегре удалось не только спокойно поужинать с

очередным претендентом на гордое звание ее мужа, но даже пройти с ним в библиотеку, чтобы продолжить светскую беседу. Сэр Ричардсон оказался немного скучным, но в целом достойным человеком. Она уже собиралась пообещать ему прислать завтра своего юриста, чтобы тот уладил детали, как вдруг Уолтер попросил хозяйку к телефону. Слава Богу, не случилось ничего катастрофического, просто требовалось ее согласие на некоторые действия, касающиеся реорганизации сил. Положив трубку, она уже знала, что дворецкий мог бы и сам ответить на эти вопросы. Так что когда она открыла дверь и узрела безвольное тело сэра Ричардсона на полу, присыпанное для красоты сверху книгами из сломанного этим же телом шкафа, она даже не удивилась. Чуть поодаль стояла красная, как помидор Виктория Серас.

- Да он меня лапал! Честное слово!

- Возмутительно, - меланхолично заметил из ближайшей стены Алукард. - Мог бы хотя бы дождаться официального бракосочетания, чтобы тискать служанку на правах хозяина дома. Я все еще настаиваю на кандидатуре сэра Холли. Он уже года два, как совершенно слеп и просто не заметит ваших хорошеньких служанок, Хозяйка.

Леди Интегра не торопясь села в кресло напротив тела сэра Ричард-

сона и закурила:

- Я приказала тебе не выходить из подвала, пока он не уйдет! - даже не глядя в сторону Алукарда, напомнила она.

- В данный момент сэр Ричардсон, мягко говоря, не с нами. Так что и мне нет смысла сидеть в подвале.

- Он мертв? - изогнула бровь леди Хеллсинг. Это принесло бы несколько нежелательных хлопот по утилизации тела.

- Нет, но это в любой момент можно исправить, - стена оскалилась сотней белоснежных клыков.

- Уолтер! - дворецкий явился, едва Интегра успела произнести его имя. Она устало потерла глаза. - Отвези сэра Ричардсона домой. Мне почему-то кажется, что больше он мне не позвонит, так что не вижу смысла продолжать знакомство.

- Да, госпожа, - улыбка Уолтера была настолько подобострастной, что не заподозрить заговор было просто невозможно.

Когда Уолтер и Серас за руки и ноги выволокли сэра Ричардсона из библиотеки, она вздохнула.

- Алукард, - спокойно проговорила она, - если ты будешь продолжать в том же духе, лет через тридцать встать во главе семьи Хеллсинг будет некому. Мне совершенно необходимо вступить в брак. И если ты со-

бираешься и дальше мне мешать, я запечатаю тебя снова.

Определенно, то, что Алукард был запечатан задолго до ее рождения, наводило на мысли, что он и раньше развлекался подобным образом, и ее отец, предыдущий хозяин вампира, поступил именно так, как собирается в крайнем случае поступить она. К сожалению, сейчас тяжелые времена и вся ударная мощь организации «Хеллсинг» - это практически один Алу-

кард.

Вампир с отвратительным чмокающим звуком отделился от стены и подошел поближе:

- Я знаю выход получше из сложившегося положения... - клыкасто улыбнулся он. За очками не было видно глаз, и слава Богу, к такому зрелищу невозможно привыкнуть.

- Сегодня я говорю тебе «нет» в юбилейный, триста сорок пятый раз. - Нахмурилась она, глядя на него сквозь дым своей сигариллы.

- С чего ты вообще

взял, что я когда-либо изменю свое решение?

- Девяносто шестой всего лишь, - серьезно поправил вампир, - и я дьявольски терпелив, хозяйка.

Автор: Mirroring

Хочу с тобою я согреться

Искра, -
Рожденная
От двух мечей
Соединила палачей
В безумной пляске...
И букв затейливая вязь
Уже не в силах обуздать
Порывы страстные
Души и сердца...

Хочу с тобою я согреться.
Как будто есть во Тьме покой,
Как будто в стали есть смиренье,
Как будто есть в крови спасенье...

В моей крови - ответы мне.
А что в моей крови тебе?

Автор: Ардарель

ЕСЛИ БЫ...

Алукард неспешно снимает свой тяжёлый плащ и перебрасывает через спинку грубого деревянного стула. Серас цепенеет, не зная, чего ожидать: Хозяин собирается ещё раз предложить ей кровь или... Он садится на стул, словно бы задумывается на минуту, затем жестом подзывает Серас ближе, застав её врасплох: отчего-то она порывается вперёд так резко, что немного теряет равновесие, непроизвольно хватается за плечо сидящего, Алукард ловит её и, будто продолжая начатое падение, притягивает к себе на колени. Спирающее дыхание предчувствие под ложечкой склоняется к варианту «или...».

Серас делает глубокий вдох и медленно выдыхает. Не то чтобы в этом была необходимость, но действие помогает чуть упорядочить смешавшиеся мысли. Не стоит ему позволять. Не стоит. Она не стала бы возражать — если бы это произошло хотя бы днём раньше, до того как, проснувшись, она увидела склонившееся над ней лицо Хозяина, услышала довольное: «Просыпайся, затевается

кое-что интересное». Она всё ещё готова восхищаться им, млеть от скупых похвал, осознавая, однако, вместе с тем, насколько он отошёл от привычных человеческих понятий.

Уголок рта щекочет мягкое прикосновение губ, затем, на миг-другой — влажного языка.

— Ты ела хлеб, Полицейская?

Она ела хлеб, и в уголке рта, как случается, остались крошки. Когда они с капитаном Бернадотте выходили за покупками, она просто не могла пройти мимо маленькой пекарни, завлекающей посетителей ароматом свежеспечённой сдобы.

— Да.

— Ты всё ещё способна чувствовать вкус пищи?

— Нет...

Когда Серас отщипывала и клала в рот кусочки хлеба, она не ощущала ни вкуса, ни аппетита, несмотря на дразнящие воображение запахи. Что-то подобное она испытала в детстве, когда подхватила какой-то вирус, рот высыпало и Серас на неделю утратила вкус. Любая еда воспринималась аморфной неаппетитной массой, которую приходилось заставлять себя жевать и

проглатывать. Только на этот раз Серас знает, что не выздоровеет, что потребности в обычной пище у неё нет с той самой ночи в Чеддаре. Осталась лишь выветривающаяся привычка.

— Когда-то, — губы Алукарда чуть прихватывают её щеку в паузах между словами, — было такое проклятие: забыть вкус хлеба. Не забывай, как можно дольше.

«Не забывай», — повторяет он уже ей в губы, в долгий будоражащий поцелуй, порождающий тепло внизу, где отделяющая их бёдра ткань и мешает проявившейся вдруг жёсткостью, и кажется непристойно тонкой преградой одновременно. Когда поцелуй плавно оживает себя, в голове Серас звучит только «не забывай»; не сразу вспоминается, ни чего не следует забывать, ни почему ей вообще лучше было не садиться Алукарду на колени. Вчерашняя ночь ещё стоит перед глазами: безумное оскалившееся лицо, змеящиеся чёрные пряди, завихряющиеся в отростки растекающейся по помещению тьмы, хлюпанье крови под ботинками и растерзанные тела. Ничего общего с надёжным,

затянутым в старомодный сюртук плечом, в которое так удобно спрятать лицо. Почти человеческое — хотя нет. Пора привыкать, что «человеческое» теперь по отношению к ней означает хрупкое, неустойчивое, то, что нельзя возмущённо шлёпнуть в ответ даже на крайне неприличный намёк.

— Те люди, вчера, в отеле, — ещё недавно негодовала в этой комнате Серас. — Вам ведь необязательно было убивать их, необязательно было просить у сэра Интегры дополнительных указаний. Вы бы могли просто укрыться в тенях и подкрасться к этому вампиру. Могли проскользнуть мимо незаметно, сменить обличье...

— Мог, — отсутствие обычных очков и шляпы не особо помогли Серас уловить эмоции Хозяина: подтрунивает ли он над ней? Раздражён ли? — А ты могла бы?

— Я?

— Ты. Укрыться в тенях, развоплотиться? Нет. Тебе пришлось бы идти напролом, Полицейская, — испытующе-насмешливая нотка в голосе, будто Серас припёрли к стене, как давешнего солдата. «Человек ты или пёс?» Огоньки безумия заплясали в алых глазах. — Согласилась бы ли ты уворачиваться от пуль, но безуспешно, потому что огонь был бы слишком плотен? Чувствовать, как твоё тело рвётся в клочья?

Залечивать себя, шаг за шагом, собственной кровью и болью выкупать каждую сохранённую жизнь? Хватило бы ли тебе на это?

Было бы правильно сказать «да», потому что это справедливо: её убить не могли бы, лишь задержат, а смерть каждого солдата безвозвратна. Но Серас отрицательно помотала головой — нет, она не смогла бы, не решилась бы. Защищали глаза обидные слёзы, она невольно придвинулась к Хозяину, ища в неловкой близости тень утешения. И задала вопрос, ответа на который боялась больше всего:

— Если бы... Если бы я пила кровь с самого начала, я бы уже могла... так же? Могла бы всё изменить?

Алукард, взяв её за подбородок, долго смотрел в глаза — непривычно спокойно и вдумчиво, отчего к щекам её прихлынул румянец смущения и, вместе с тем, решимости. Затем её хозяин произнёс:

— Нет, Полицейская. Всему своё время. Но первый раз рано или поздно должен быть.

Она опустила глаза. Но не повернулась и не ушла, когда он встал, чтобы снять тяжёлый плащ и перебросить его через спинку грубого деревянного стула.

Алукард целует её в шею — в том же, наверное, месте, куда укусил в Чеддаре. Серас плохо помнит, слишком сильны бы-

ли боль и шок, когда из рук незнакомца вместо спасения она получила смерть. Свою первую смерть? Серас подавляет инстинктивный порыв отстраниться от легонько царапнувших кожу клыков. Алукарду были доверены её смерть и её новая жизнь — уместно ли шарахаться по мелочам? Тело само подаётся навстречу пробравшейся под рубашку прохладной руке, кровь, сколько её осталось в теле приливает, кажется, к месту прикосновения, и лишь развязывая алый шёлковый галстук на шее Алукарда, Серас понимает, что вторит движениям растягивающих её рубашку пальцев. После галстука закономерно следуют пуговицы сюртука, ровный ряд тугих неподатливых петель, уходящий словно бы в изводящую бесконечность; добравшись, наконец, до последних, Серас почти рычит сквозь зубы, вызывая смешок у Алукарда. Он, в свою очередь, легко скидывает с её плеч расстёгнутые рубашку и лифчик; подхватив под мышки, усаживает Серас лицом к себе, так, что она осёдлывает его бёдра. Ощущение совершенно ошеломительной раскрытости и уязвимости кружат голову, Серас едва не откидывается назад, но успокаивающие большие руки удерживают её. Почти как вчера в отеле Алукард бесцеремонно подхватил её, как маленького ребёнка, и усадил в подвесной шкаф, велел не

высовываться («А ты могла бы?.. Нет». Насмешка? Или забота?). Заточённые в прохладную кожу перчаток пальцы почти смыкаются на тонкой талии, потом одна рука соскальзывает на ягодицы, другая приподнимает округлую обнажённую грудь, белеющую на фоне ещё не утратившего загар бесконечно далёкого июня тела. Истома бежит по плечам, облегчённым от привычной, оказывается, тяжести, задевший пальцем сосок отзывается тягучим жаром между раздвинутыми другим телом напротив ногами.

Серас зажмуривается, отдаваясь ласкам. Интимность и откровенность некоторых прикосновений почти вводит в ступор, возбуждение и предвкушение смешиваются с лёгким сиюмоментным испугом: как так можно? Она смутно осознаёт, что следует чем-то ответить взамен, но рассудка хватает то на слишком робкие, то на чересчур прямолинейные прикосновения. Она скользит вниз между распахнутых пол рубашки, ожидая упереться в ремень брюк, оказывающийся растёгнутым, и рука её проникает ниже, нежели ожидалось. Потрясение воздаётся глубоким поцелуем и нетерпеливым задиранием вверх, на талию, её юбки. Серас рьяно подаётся навстречу и стонет тут же: «Чёртово бельё!» Оторваться, встать, разорвать тесные объятия невмоготу. Алукард, похоже,

полностью согласен: на мгновение трусики больно врезаются в сгиб ноги, затем ткань обречённо рвётся, убираясь с пути.

Шея Алукарда маячит перед глазами, ноют клыки, и нахлынувшее желание впитаться, укусить едва ли не сильнее страсти.

«Первый раз рано или поздно должен быть.»

Серас выбирает другой первый раз, нащупывая рукой, прижимаясь промежностью к напряжённому члену. Тут её захлёстывает паника, что она сверху, и ей придётся сделать всё самой в самый первый раз, о Господи, она хватается вначале за спинку стула — кусок дерева крошится в щепу, — затем за Алукарда, бормоча: «Помоги». Он ласково ерошит ей волосы, звучание привычно насмешливого голоса немного успокаивает: «Расслабься же. Это далеко не так страшно, как пугают». Поглаживая, руки Алукарда спускаются по её спине, и, придерживая за бёдра, он направляет её к себе, на себя. Это правда лишь немного болезненно. Чужое присутствие внутри непривычно и поначалу неприятно, но потом Серас начинает двигаться и ахает, когда в движении задеваются будто бы какие-то струны и неизвестные доселе ощущения переполняют тело, резонируют в каждой клеточке. Соприкосновения с обнажённой кожей и с трущейся царапающей тканью сливаются

в гармоничную палитру, пульс крови под её губами — чужой, взятой силой, но по праву боя крови, — будоражит, но не пугает больше; низкие стоны Серас не только слышит, но и ощущает вибрацию телом, тесно прижатым к другому телу, и клубится тьма, вытесняющая полумрак комнаты...

«Если бы ты, — слышит Серас то ли произнесённые вслух, то ли у себя в голове слова, — была из тех, кто охотно начинает пить кровь, я бы никогда не обратил тебя».

Раньше Серас Виктория не подумала бы, что отдастся кому-то, кто не скажет ей вначале «Люблю». Но услышанного — подслушанного? — для неё более чем достаточно.

Потом снова отвоёвывает позиции разбавленный светом из-под неплотных жалюзи полумрак, и с неохотой приходится расцепить объятия, распутать тела, нащупать пол под ногами и вспомнить, как на нём стоять. Алукард набрасывает Серас на плечи свой плащ. Поколебавшись, она присаживается на ближайший гроб, тут же болезненно морщится и произносит, пожалуй, не вполне приличествующую лиричности вековечной печали по окончании соития вещь:

— Надеюсь, что у вампиров восстанавливается не совсем всё.

Автор: Rendski

Не стоит прощаться

От автора: в тексте использованы слова песни «Don't say goodbye» группы «Skillet»; концовку я оставила открытой, чтобы каждый читатель решил для себя сам, что Пэтти значит для Данте.

*Things are changing.
It seems strange and
I need to figure this out.
You've got your life
I got mine.*

Моя первая встреча с Пэтти практически ничем не отличалась от встреч с другими клиентами агентства «DevilMayCry». Просто, как говорится, «в один прекрасный день» Моррисон пришёл в мой офис вместе с девочкой лет 10. Он сообщил, что она является наследницей многомиллионного состояния семьи Лоуэлл. А меня нанимают в качестве её сопровождающего. Вот только нянкой для детей стать я не собирался – не мой профиль.

И всё же я взялся за эту миссию. О чём, в принципе, не жалею. Как ни странно, но мне пришлось слушать лекцию о том, как нужно ухаживать за девушками именно от Пэтти. Но что больше всего удивило меня, так это реакция девочки, когда она узнала суть моей работы. Пэтти не плакала, не кричала, что я – «демон», что «гореть мне в аду» и прочее. Она просто приня-

ла меня таким, какой я есть.

*Doyouremember
InDecember
How we swore we'd never
change.
Even though you're leav-
ing*

*That our feelings
Would always stay the same.*

Миссия была не совсем успешной. Пэтти нагло использовала её тёзка. И хоть девочка получила компенсацию, случившееся всё равно оставило глубокую рану в душе ребёнка. Но малышка начала приходить ко мне чуть ли не каждый день. Сначала она просто разговаривала со мной и убиралась в офисе. Потом я научил играть Пэтти в покер. Таким образом количество людей, которым я что-то должен возросло. Но и об этом я не жалею.

Ведь приятно знать, что есть человек, для которого ты очень много значишь, даже со всеми своими недостатками, что есть кто-то, кто пойдёт за тобой хоть на край света. А я для Пэтти именно такой человек. Впрочем, как и она для меня. Стоит только вспомнить «Смертельный покер». Как она плакала, когда Леди выстрелила в меня, хотела подойти ко мне, хоть и знала, что ничего не сможет сделать. Яжевсёслышал.

I wish we could be laughing

*Instead I'm standing here
asking
Do we have to end this now
Can we make it last some-
how
We both know what we've
gotta say, not today
Cause I don't wanna leave
this way.*

А ещё мы редко ссорились. Точнее, мелких ссор было много. Зато была одна большая. И та произошла по моей вине. А я даже толком извиниться не смог. Я же не маленький. Прекрасно знаю, что слова ранят больше лезвия. Но она меня простила. Именно Пэтти спасла меня. Я никогда не смогу забыть, как она плакала, как обещала, что не будет ругаться из-за беспорядка в офисе и брать без разрешения моё клубничное мороженое, как сказала, что не хочет со мной так глупо расставаться.

Но это был не конец. Даже после того, как я сказал: «Пэтти, с сегодняшнего дня ты будешь жить с мамой. Я желаю тебе счастья», почти ничего не изменилось. Девчонка, как и раньше, убиралась в агентстве, ворчала что-то по поводу моей неряшливости. Мы и дальше играли в азартные игры. Но моё клубничное мороженое без разрешения больше не брала. А ещё Пэтти как-то заботливее начала ко мне относиться. Словно она боялась поте-

рять меня навсегда. Проявлялась её забота в том, что хотя бы о рационе «пицца на завтрак-обед-ужин» мне пришлось забыть.

Время расставания пришло внезапно, словно снег пошёл летом. Через два года после того, как Пэтти нашла маму, Нина Лоуэлл решила уехать из города, забрав дочь с собой.

*Don't say goodbye
Cause I don't wanna hear
those words tonight
Cause maybe it's not the
end for you and I
And although we knew
This time would come for
me and you
Don't say anything tonight
If you're gonna say good-
bye.*

В тот день Пэтти пришла в агентство грустной. Почти с порога она заявила, что уезжает. Скорее всего, навсегда. Её мама собралась опять путешествовать по миру. Только Пэтти этого не хотела. И я тоже не хотел, чтобы она уезжала. Я не хотел

думать, что это конец, что, возможно, это наша последняя встреча.

Тогда Пэтти осталась у меня ночевать. Сначала мы вместе поужинали. Потом играли в покер. На желание. Я впервые выиграл у неё. Попросил, чтобы Пэтти хотя бы раз в год звонила или присылала письмо.

А дальше мы играли в бильярд, попутно рассказывая друг другу о том, что было с каждым до нашей первой встречи. Наверное, за ту ночь я говорил больше, чем за всю свою жизнь. Пэтти – первый человек, которому я рассказал о себе почти всё. Даже Триш, Леди и Моррисон всего не знают. И правду о том, что случилось в Моррис-Айленде двадцать лет назад, я тоже Пэтти открыл. Она же взамен рассказала всё о себе.

А потом мы ели клубничное мороженое и смотрели какое-то шоу по телевизору.

Я проснулся около десяти утра от звука дож-

дя за окном. Пэтти в агентстве уже не было. Она укрыла меня одеялом, а сама ушла. Я подошёл к столу. На нём лежали карманные часы и записка от Пэтти:

Данте!

Прости, что не разбудила! Я не хотела говорить «Прощай!», ведь это не последняя наша встреча. Мы же увидимся?

Эти часы тебе подарок от меня на память. Они похожи на те, что когда-то дал тебе Кинг. Но это другие. Храни их возле сердца.

И ещё... Спасибо тебе за всё!

Пэтти Лоуэлл

Мы обязательно увидимся, Пэтти! Ведь ты для меня – тот человек...

And if it's over

*It hurts but I'm giving you
my word*

*I hope that you're always
Happy like we were
Happy like we were.*

Автор: РаисаТвердая

Первый день вампира

Резкий холодный ветер нещадно обдувал бледные обескровленные щеки девушки. Сержант полиции получила смертельное ранение в легкое. Да, кажется, обратно на работу ее теперь не возьмут. Тот странный мужчина предупредил ее, и девушка согласилась пропустить сквозь себя разрывную серебряную пулю. Тело до сих пор пылало, будто ее не подстрелили, а запылили в огонь как какую-то злобную ведьму. Стоп. А почему она сейчас об этом думает?

"Я умерла?" Тако-

или чувствовать запах... но запах чего? Виктория все еще лежала на земле, ее нюх заметно обострился, девушка повела носом.

Что за манящий сладкий аромат, почему ее так тянет к его источнику?

"Нет, нет и еще раз нет. Я сержант полиции, надо мыслить здраво. Начну сначала. Я сержант полиции Виктория Серас, мне 18 лет, я была на задании с напарниками. К слову о напарниках..." - Размышляла она. "Они погибли, я не помню как. Вот дьявол, не помню совершенно. Что же было даль-

чисти какой-то. А какую нечисть он имел в виду? Ох, голова раскалывается."

Вампиры, - ее словно озарило. Он говорил о вампирах, потом появился тот странный мужчина в ярко-красном плаще и шляпе. Но преподобный не смог его убить. Получается, оба мужчины людьми не являлись. Тело девушки заболело с большей силой. Кости ломило, сержант изнывала от жажды того сладостного аромата. "Надо отвлечься и не обращать на это внимания, тогда все пройдет", - успо-

вой была первая мысль Виктории Серас. Нет, это невозможно, девушка ведь чувствует, как горит ее тело, как медленно стучит сердце. В конце концов, могут ли мертвые мыслить

ше?" Девушка напрягла память. "Кто-то напал на меня, да, абсолютно точно, и... я, кажется, побежала в церковь. Преподобный, вроде бы, говорил что-то о дракулинах, не-

каивала она себя. Известный в шляпе представился Алукардом. Это она помнит. И именно он предложил ей новую жизнь.

Мужчина-вампир,

как она поняла, должен был стрелять сквозь легкое Виктории. "Вот я глупая, согласилась на такую аферу. Я ведь и умереть могла." Девушка хотела рассмеяться, но мышцы совершенно ее не слушались. Обездвиженная и с ноющей раной в груди, сержант лежала, восстанавливая целостную картинку произошедшего. "Постойте-ка, но он ведь попал, почему же тогда я не умерла. Что-то я ничего не понимаю." Запах становился все сильнее, жажда не давала Виктории покоя и вынудила ее подчиниться. Изнывая от безумного голода и боли в мышцах, девушка распахнула глаза. Ее взору предстал

какой-то силуэт. Виктория еще не могла различить, кто это. Боль отступала, вместе с этим улучшалось и зрение. Темная фигура постепенно приближалась и становилась четче. Девушка уже могла разглядеть некоторые ее черты. Это было чье-то лицо: прямой нос, ехидная улыбка, клыки и круглые желтые очки. Сержант узнала в нем Алукарда. Тот вампир, что спас ее тогда или убил. Вот это еще неизвестно.

-Я умерла? - Задала снова этот вопрос девушка, обращаясь на этот раз уже к мужчине. Тот лишь неопределенно покачал головой. "Похоже, что умерла" -Тогда что со

мной? - Она решила точно выяснить все подробности. Алукард улыбнулся, на этот раз уже более искренне.

-Теперь у тебя будет лучшая и очень долгая жизнь, - прошептал склонившийся над ней вампир.

-Я стала вампиром? - Удивленно выпучив глаза, спросила Виктория.

-Да, - промолвил в ответ мужчина и поцеловал ее в лоб, - Пошли, нам пора.

Алукард поднял сержанта на руки и понес по дороге вдаль.

Автор: Fiordaliso

Лабиринт Ариадны

Своего слугу Интегра находит, следуя путевой нити, дороге из серебра с привкусом крови — тоньше волоса, острее лезвия бритвы, — которая, петляя, ведёт вглубь пещеры рухнувшего дирижабля, в центр лабиринта обгоревшей обшивки и покорёженных переборок. Интегра не питает особых надежд найти лабиринт обитаемым и давно не ожидает увидеть самое знакомое на свете лицо. Грубо припиленный образ беснующегося мальчишки-вампира отклеивается, обнажая прежний и заново обретенный. Извлечённый наружу полуживой старик распахивает не красные — тёмно-серые, как свинцовое небо, саркофагом накрывшее Лондон, глаза, но мимолётная надежда Интегры на подмену вместо измены тает раньше даже, чем в ноздри ударяет характерный смрад разлагающейся неживой плоти от искалеченной руки — в глазах Уолтера она читает смятение, и вину, и тлеющий ещё мятеж. На последнем, не иначе, держится он трое суток, в течение которых врачи оттаскивают его от края смерти, отсекают гниющие ткани, выводят из крови яды, запускают заново не выдерживающее сердце. Будь врачам известна уготованная

ему участь, они спросили бы у сэра Хеллсинга, зачем в это отчаянное время впустую тратится их необходимый в десятке других мест труд, но в участь своего пациента они не посвящены, а о труде их не задумываются те трое, которые согласно поднимают руки, решая участь изменника.

То Интегре сообщают, что он просил, до иступления умолял о встрече с ней, однако тогда прервать скудный сон командира «Хеллсинга» не решился никто. А то, в день, когда ей до скрежета зубовного требовалось ухватить Уолтера за грудки и потребовать ответов, он метался в агонии. В другой же раз она сама, сомкнув сердце, избегала даже проходить мимо двери его палаты, выбирая другой коридор, и её не волновало ни почему он выбрал долю нежити, ни как обратно стал человеком. Наконец, чаши желаний и возможностей уравниваются: леди и дворецкий предстают лицом к лицу.

«Что у вас с глазом?» — первым делом спрашивает Уолтер со всей допустимой ноткой тревоги, как расспрашивал в детстве, стоило Интегре явиться в испачканном платье и с разбитыми коленками. И точно так же

Интегра отзывается, что ничего страшного, как в детстве пренебрежительно отмахивалась: «Пустяк», стыдясь собственной неуклюжести — как стыдится теперь толкнувших её на дуэль с Майором мотивов: отомстить за него, Уолтера, в том числе, за то, что в посулах Майора привлекательным оказалось всё глубоко ненавистное её семье, за то, что противоестественную трансформацию Уолтер поставил выше её безоговорочного доверия и пятидесятилетней службы —, от её многострадальных коленок и ладоней, на которые был вылит не один баллончик с антисептиком, до самых конфиденциальных дел и сокровенных признаний, до прощания на обезлюдевшей лондонской улице, от самого первого ранения, плода другого предательства и другой разрывающей сердце потери.

О приговоре Интегра спешит уведомить его, не откладывая тягостной обязанности, лелея надежду, что ей достанет благоразумия уйти, сообщив Уолтеру необходимое: государственная измена, смертная казнь, на троих принятое решение — остатком старого Совета Круглого стола: сэр Хью Айлендз, сэр Роберт Уолш и она, которая раз уже

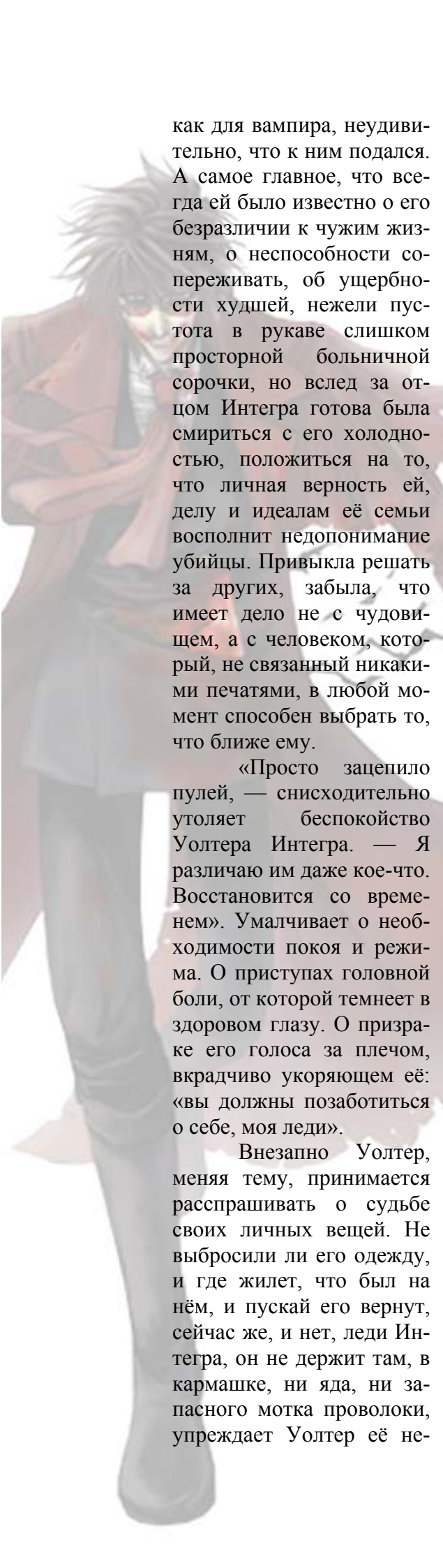
приговор своему бывшему дворецкому огласила; не-зачем только что посвящённым взамен погибших членам Совета приступить к новым обязанностям с заочного смертного приговора. «Прямо советская тройка или три мойры: спрядено, отмерено, отрезано, — едкая ирония Уолтера обжигает злостью, — стало быть, вы прибыли ради приведения приговора в исполнение, моя леди? Или обождёте, пока здоровье позволит мне прислониться к стеночке для расстрела? Взойти на подмостки виселицы?» Злит Интегру не насмешка. «Какого чёрта ты переметнулся к фашистам, если не боишься смерти?» — «Боялся этого», — цедит признание Уолтер, и не перевешивая гнева печаль, самое время было бы позлорадствовать, как пали сильные, в считанные часы сжечь остатки своих лет, как мосты, за недолговечную услугу миллиумовского мясника, за костюм немёртвой Золушки; от самого близкого соратника леди Интегры Хеллсинг, от непревзойдённого никем из смертных бойца скатиться до одряхлевшего на глазах старика, до лежачего больного под капельницей, который тщетно драпирует казённым одеялом плечо с обрубок ампутированной руки. Прав был Алукард: прежнее тело Уолтера, неосквернённое, было куда прекраснее безупречной неживой вампирской кра-

сивости, которой Уолтер сам же и отравился. Когда-то существовало поверье, что в глазах жертвы застывает образ убийцы. Радужка Уолтера залита тёмно-серым свинцом лондонского неба, будто сами небеса за богопротивное преступление наслали на него погибель, обрекли на медленную смерть, прежде чем поднялись единогласно три руки, прежде чем в ночь битвы прозвучал её собственный приговор...

«...и я хотел сразиться с Алукардом, — продолжает Уолтер. — Искренне рассчитывал на честную дуэль. Мне жаль, что вышло в итоге именно так, леди Интегра». И вот теперь Интегре правда хочется ударить его, встряхнуть что есть силы, наплевав на его немощь и увечья. Алукард — это пустота почти на месте руки, там, где за десять лет Интегра привыкла ощущать оружие. Алукард — это беспощадное спасение, захлестнувшее улицы, улочки, подворотни её города, и угасающий в пред-рассветной тишине приказ вернуться. Алукард — это изо дня в день растущая тревога, что безумный майор был прав и Алукард отныне — лишь воспоминание, математическая абстракция, феномен по ту сторону материи. Алукард — это десятки обидных несостоявшихся «если», имя Алукарда царапает горло всякий раз, когда приходится выталкивать его из себя, произносить

вслух, но не за Алукарда Уолтеру требуется просить прощения, не нечестностью терзаться. Знает ли он, захлёбывается возмущением Интегра, что число жертв до сих пор не просчитывается с точностью хотя бы до миллиона? Что мир в шоке, все пути из Британии перекрыты, история раскола на «до» и «после»? Что тротуары Лондона вымощены трупами, которые некому и некогда хоронить, пока к помощи взывают живые? Что недобитые фрики то и дело заражают упырями целые городки и пригороды, которые армии порой приходится предавать огню, потому что серебряных пуль в одночасье на всех не напасёшься? Что Серас Виктория как-то чуть не захлопнула её, командира, в своём гробу, настаивая, чтобы хозяйка поспала хотя бы одну ночь, однако сон Интегры Хеллсинг, как на колу, корчится на осознании, что пока она спит, где-то гибнут от рук и клыков нежити люди, чего не хочет понимать Уолтер, который извиняется перед ней за Алукарда и нечестную, видите ли, игру!

«Спать вам необходимо, — как ни в чём не бывало настаивает Уолтер. — Вы ранены. Правда, вы просто ранены? Не потеряли глаз?» Не понимает, смиряется Интегра. Не понимал и раньше, всегда значение для него имел лишь узкий круг своих: отец, она, Алукард —

как для вампира, неудивительно, что к ним подался. А самое главное, что всегда ей было известно о его безразличии к чужим жизням, о неспособности сопереживать, об ущербности худшей, нежели пустота в рукаве слишком просторной больничной сорочки, но вслед за отцом Интегра готова была смириться с его холодностью, положиться на то, что личная верность ей, делу и идеалам её семьи восполнит недопонимание убийцы. Привыкла решать за других, забыла, что имеет дело не с чудовищем, а с человеком, который, не связанный никакими печатями, в любой момент способен выбрать то, что ближе ему.

«Просто зацепило пулей, — снисходительно утешает беспокойство Уолтера Интегра. — Я различаю им даже кое-что. Восстановится со временем». Умалчивает о необходимости покоя и режима. О приступах головной боли, от которой темнеет в здоровом глазу. О призраке его голоса за плечом, вкрадчиво укоряющем её: «вы должны позаботиться о себе, моя леди».

Внезапно Уолтер, меняя тему, принимается расспрашивать о судьбе своих личных вещей. Не выбросили ли его одежду, и где жилет, что был на нём, и пускай его вернут, сейчас же, и нет, леди Интегра, он не держит там, в кармашке, ни яда, ни запасного мотка проволоки, предупреждает Уолтер её не-

высказанные закономерные подозрения, убедитесь сами, только разыщите, бога ради... Он подаётся вперёд, к доставленному жилету, тянет к нему руку, неизвестно когда успев выдернуть иглу капельницы, — и тут же роняет обратно на постель. Лихорадочное возбуждение, с которым он подгоняет Интегру: «...в карманах, посмотрите в карманах», вызывают брезгливость и муторный приступ жалости, заставляет поверить в подкосившее его внезапно слабоумие, особенно когда он, заведшись, навязчиво, суетливо бормочет: «...в левом кармане дырка, дырка в кармане, они правда поверили, что у меня в кармане может случайно завестись дырка...» Благоразумие кричит Интегре о подвохе, и впрямь о яде, об оружии, об отравленной игле, которая вот-вот вонзится в палец, но извлекает Интегра наружу после долгой возни на ощупь в подкладке жилета всего-навсего скомканную тряпицу, с недоумением встряхивает, расправляя, не сразу понимает, отчего резко замолк Уолтер. И тут находка, развернувшаяся в широкую ленту бордового шёлка, хлещет по глазам воспоминанием о той же ленте, выющейся вокруг пальцев утреннего ветра, и о подхватывающем её мальчишке, об искривлённом, как вздущееся стекло, пространстве на экране в рубке дирижабля, о ряби на экране, нет, в самом

пространстве и ране аномалии в нём, стремительно затягивающейся и затягивающей туда верного слугу Интегры, о щёгольском пышном банте на его шее. «Это ведь Алукарда», — благоговейно спрашивает, нет, утверждает она, это его, всё, что осталось от него: эта шёлковая лента да каменная плита с вьёвшейся в неё пентаграммой. «Всё, что осталось, — подтверждает Уолтер. — Но частицу себя оставляют в другом мире не просто так, а чтобы сохранить связь с ним, чтобы всегда иметь возможность вернуться».

Частицу себя. Пальцы Интегры невольно ласкают лоснящийся шёлк, соскальзывают вдоль нитей основы, поглаживают поперёк легчайшей неровности. Конечно же, Алукард давно творил для себя одежду сам, и вековой модности бант его тоже не из винтажного бутика. Чтобы сохранить связь. Чтобы вернуться. Ленту Интегра подносит к губам, только сейчас по натяжению отстранённо замечая, что Уолтер поймал болтающийся конец, и шепчет, дыханием согревая бордовый шёлк: «Возвращайся. Это приказ. Вернись, пожалуйста. Ко мне». И, прикрыв глаза, искренне на миг ожидает чуда, что шёлк растечётся, как иной раз — пятно на стене, моргнёт алым глазом и перельётся в долговязую фигуру. Но ткань безвольна и неподвижна, тепло в

ней — лишь от впитавшихся жарких слов Интегра, а натяжение — от вцепившихся с двух концов рук.

«Алукард вернётся, если к кому и вернётся, то только к вам», — заверяет Уолтер. Когда Алукард не вернулся ни в первую, ни во вторую, ни в третью ночь после сражения за Лондон, Интегра запретила себе думать о нём, увязать в личном, пока судьба страны была на её плечах. Алукарда нет — стало быть, придётся и далее чистить эти адские авгиевы конюшни, не рассчитывая на него; все мысли об исчезновении Алукарда Интегра пытается свести к досаде из-за отсутствия своего абсолютного оружия, пытается не думать о нём вообще — пока рук её не оплетает обнадеживающим предзнаменованием шёлковая лента. Судьба, пора признать, щедро делится подсказками: из рук одного предателя нежданно-негаданно доставшаяся путеводная нить, рукой другого предателя пролитая когда-то, пробудившая чудовище кровь, все уловки и подначки Алукарда ради каждой капли и скупые откровения, какая сила течёт в жилах хозяйки.

Кровь. Что и говорить, вернее способа пригласить вампира не придумаешь. Но в карманах, как назло, ничего подходящего, а в палате самого опасного некогда в Британии человека тем более ничего острого, кроме покачивающейся иглы капельни-

цы, не найти. Вторя недавней лихорадочной одержимости Уолтера, Интегра с нетерпением дерёт кожу пальца коротким ногтём, оставляющим на сухой коже лишь белёсый след, и роняет не без иронии: «Жаль, что у тебя правда не припасено чем порезаться».

«Дайте руку мне, — Уолтер притягивает её к губам и, когда Интегра, опомнившись, пытается выдрать её из цепких пальцев, успокаивает: — Я больше не вампир. Не пугайтесь».

В самом деле, не вампир, зубы, по кромке которых он резко проводит её пальцы, не рассекают кожу с лёгкостью бритвы, а, по-человечески затуплённые, лишь больно приминают подушечки, с трудом раздирая наконец, а прикосновение мягкого языка не заживляет ранку, только вместе с выступившими каплями собирает первую боль. Поначалу Интегра едва поспевает за зачавшим в кончиках пальцев пульсом увлажнять, равномерно рассыпать по длине ленты каплюющую из ранок кровь. Затем ток приходится подгонять, растирать кожу, беречь рваные ссадины заново, не позволяя заживать, высасывать, выдавливать последнее, выжимать ноющее мясо досуха, с силой растирать ссадины о наждачку обратившийся шёлк, услужливо придерживаемый Уолтером. Останавливается Интегра только поймав себя на ис-

ступлённой готовности искусать, изгрызть пальцы, чтобы шёлк ленты не просто был измаран — чтобы сочился бы кровью, и опускается тяжело на край койки, вяло наматывает кроваво-красную и окровавленную ленту на пальцы, пока не стучается костяшками о костяшки Уолтера, тоже предъявившего права на один-другой оборот, и замирает, слегка соприкасаясь руками, повязанными одной путеводной нитью, красной дорожкой для встречи высокого гостя.

С рубленным «подвинься» Интегра вытягивается поверх одеяла, примостясь на узкой боковой койке, как на краю глубокой расщелины одиночества между скорым уходом Уолтера и неизвестным возвращением Алукарда. С Уолтером она не соприкасается, кроме как руками, но ощущает его каждым миллиметром вдоль себя. Мысль о брошенных в лицо обвинениях, о трёх из трёх голосов окончательно и бесповоротно вынесенном приговоре дарует облегчение. Долг чести, долг справедливости отдан, и можно позволить себе не тратить быстротечные минуты наедине на ненависть, можно открутить обратно ночь сражения за Лондон и забиться на прощание в знакомом обволакивающем молчании Уолтера, в его убаюкивающем присутствии за спиной. Можно притвориться, что не замечает лёгкой щекотки у

корней волос, списать на дыхание Уолтера в затылок, ритмичное тепло которого Интегра ощущает краем уха, но отчего-то крепнет уверенность, что Уолтер в нарушение миллиметровой дистанции деликатно, тайком перебирает пряди её волос губами. Предательски, электрическим разрядом прошибает мысль. Едва удержавшись на краю, Интегра резко разворачивается, с удовольствием ловит в лице Уолтера замешательство. Поменьше бы деликатничал, передёргивает Интегру, поменьше таился бы, глядишь, и до предательства не довелось бы докатиться. Порыв уйти путается в повязавшей руки ленте. Приподнявшись на локте, Интегра нависает сверху. Не ответом на возможные притязания Уолтера, не задумываясь о том, ответила бы ли она на них прежде, — с возмущением и вызовом Интегра прижимается к его запекшимся губам своими, восполняя недостаток опыта решительностью, захватывает нижнюю губу зубами, готовая прокусить до крови, до боли, до вскрика, но, опомнившись, медленно отпускает, отстраняется, переводит дух, пока Уолтер неверяще языком ощупывает краснеющий отпечаток прикуса. И сам уже, не без труда оторвавшись от кровати, целует её в губы, увлекает за собой вниз, лаская, перебирая, осторожно прихватывая, показывая, как надо, провозируя учиться, повто-

рять, переиначивать, забегать вперёд. В горле оседает тяжёлый дух болезни и лекарств, который никогда не связывался с этим человеком, как не связывалась царапающая небритость подбородка и ощущение неаккуратных распущенных патл под ладонью. Интегра перебирает поредевшие волосы, сидна за пару дней рывком взяла верх над чернотой. Когда они распутали руки, Интегра не помнит, ощущает только, как рука Уолтера между лопатками притягивает её бережно и с остатком прежней силы.

Стыдно должно быть ей: командиру, тратящему драгоценное время впустую, юной леди, возлегшей с бывшим слугой и приговорённым предателем. Однако стыдится он: своего увечья, своего ослабевшего тела, которое Интегра открывает взгляду, заворачивая казённое одеяло к нелепо торчащим из-под куцей больничной сорочки худым ногам с шишковатыми коленями, процедив в ответ на смущение Уолтера: «...кроме себя винить некого», — и смягчает суровость слов, касаясь его виска, очерчивая пылающими, саднящими кончиками пальцев излом брови, выступающую скулу; запрокидывает голову и жмурится от поцелуев в чувствительное горло над расстёгнутой верхней пуговкой воротника, сжимает со сладким смущением бёдра, когда выдох Уолтера, вряд ли ненамеренно, слишком

удачно нацеленной жаркой волной прокатывается под рубашкой.

Раздевается Интегра неспешно, не пошлого поддразнивания ради — запутаться в пуговицах, застёжках, рукавах стесняясь больше, чем самого раздевания, выбирается из лабиринта одежд, цепляясь за струной натянутый, пристальный, замороженный взгляд Уолтера. Вот теперь точно пора остановиться, самое время, подсказывает приторное благогоразумие. Смерить надменным взглядом и растоптать окончательно насмешкой: «Что, раскатал губу, ничтожество?» Так и поступила бы, возможно, некая другая, рафинированная и расчётливая Интегра, которую мог бы вырастить другой, безупречный Уолтер, которого никогда не существовало. Но другой остаётся только бессильно подглядывать в щёлочку её сердца, когда Интегра, обнажённая, затаив дыхание будто перед погружением в тёмную воду ночного озера, вытягивается вдоль незнакомого и знакомого тела, причащается к тонкостям искусства соприкоснуться грудь к груди, живот к животу, бёдра к обнажённым, щекочущим редкими упругими волосками бёдрам. Ей льстит нежная зачарованность, с которой Уолтер целует её теперь, будто отсутствие одеяла и одежды разделило, а не сблизило их. Его деликатность и застиранная ткань сорочки, задевающая её

соски, её смущение и прохлада воздуха вдоль влажной промежности переливаются в теле, как озноб и жар во время лихорадки, как радуга на плёнке мыльного пузыря, который лопаётся, когда Уолтер наконец кладёт руку ей на грудь. Мягкость заполняет его ладонь, упругость томно отзывается на испытующее пожатие. Руки, губы Уолтера не просто касаются — погружаются будто неглубоко в обретшую вдруг объём и небывалую чувствительность кожу, и Интегра притягивает его голову ближе, когда Уолтер самозабвенно накрывает губами смуглый широкий ореол вокруг соска, и млеет, когда он трётся небритой щекой о её живот, и закусывает сосредоточенно губу, когда помогает ему избавиться от сорочки, стаскивая одежду со здорового, затем, бережно, — с увечного плеча, и захлёбывается смешком радости и печали, когда Уолтер обвязывает бордовую ленту вокруг её бедра, затягивает узел, будто упаковывая подарок к Валентинову дню. Только подарок он не упаковывает, а распаковывает; послушная лёгкому направляющему касанию, Интегра поднимает бедро, сглатывает рвущиеся наружу стоны, когда Уолтер слишком легко проскальзывает пальцами по слишком сочащимся влагой, слишком ощутимо набухшим, выпирающим складкам, которые слишком красноре-

чиво выдают пробуждённое им желание. Не заставляя себя ждать, почти со змеиной стремительностью Уолтер приникает к ним ртом, и тонкого вскрика Интегра уже сдерживать не успевает, взбрыкивает неловко, потому что захлёстывающий её поток наслаждения не идёт ни в какое сравнение с самыми смелыми собственными экспериментами: будто она лишь нерешительно или, наоборот, грубо подёргивала отдельные струны, а Уолтер заставил всё её тело до мычащего невнятно горла, до туманящегося зрячего и ноющего раненного глаза зазвучать музыкой, отголоски и перезвоны которой блуждают эхом, будят в ней томление по большему, даже когда Уолтер, тяжело дыша, снова утыкается влажным ртом в её шею. Ведомая интуицией и фантазией, подпитанной лишь допустимыми к публичному показу фильмами, Интегра ведёт пальцами, ладонями по жилистой спине Уолтера, по бедру, скользит по краю живота в пах вопреки его дрогнувшему «не надо», и даже при полной своей неопытности понимает, что нащупывает слишком вялое, мясистое.

«Простите, — шепчет Уолтер, утыкаясь лбом ей в ключицу, и шёпот жаром ползёт меж грудей, по животу Интегры. — Я нынче, кажется, не в лучшей форме». Интегра гладит его по спине, по неловко оттопыренной ло-

патке безрукого плеча, впивается вдруг ногтями под приливом мимолётного раздражения: господи, если бы это его «не в форме» было самым печальным обстоятельством их свидания, если бы не легала на нём тень последней милости к приговорённому к смерти! И снова Интегра даёт волю решимости и нежности, опустив руку, принимается ласкать его таким, какой есть, и по глубокому вдоху, по возобновившимся ответным прикосновениям догадывается, что её неискусные манипуляции Уолтеру доставляют удовольствие независимо от того, завершатся ли они успехом. Освоившись, запустив руку дальше, Интегра улыбается смущённо и лукаво одновременно, что мужчины там, внизу, устроены сложнее, чем она задумывалась, не просто один-единственный торчащий или болтающийся отросток. А когда собственные снедающие потребности берут верх, она опрокидывает Уолтера почти на спину, забрасывает за его бедро ногу, украшенную импровизированной вызывающе-яркой подвязкой, притирается, подбрав позицию, гениталиями, и в горле пересыхает не столько от успешности попытки, сколько от невообразимого прежде собственного животного бесстыдства. Грудь Интегра, приподнявшись, подставляет ошалелым губам Уолтера, и раскрывается под его пальцами внизу,

где на его ласки отзывается сильнее всего, и сжимается вокруг его пальцев, когда понимает, что Уолтер протолкнулся осторожно вглубь, догадывается по его сосредоточенному, застывшему с приоткрытым ртом лицу, прежде чем вычленяет нечто новое в сумбуре собственных ощущений. С кивком Интегра принимает его в себя, принимает, даже когда он добавляет ещё палец, только сдавленным мычанием предупреждает, когда Уолтер растягивает её до предела, и она чувствует себя вдруг на редкость беспомощно: тонкое кольцо натянутого ожидания боли в руке Уолтера, боли, которая сама по себе значит гораздо меньше, чем то, что она, Интегра, позволила ему до грани, разделительной черты этой боли себя довести, и, затаив дыхание, она снова коротким кивком отвечает на немой вопрос Уолтера. Он раскрывает стиснутые пальцы, проталкивается глубже, вторит болезненному стону Интегры, но, тем не менее, неумолимо берedit свежую рану, в воображении врываясь в её тело явно не рукой, размазывает густой, приправленный кровью сок по бедру Интегры и извиняется мягким, благодарным поцелуем в губы, нежным снова поглаживанием между её великодушно раскинутыми, охватившими его ногами, где всё ещё болезненно тянет, даже в ответ на легчайшие, внимательные прикосновения,

лишь изредка задевающие свежеотворённый вход, тянет так, что бедро скручивает судорогой...

Не судорогой, впрочем.

Тянет так, будто туго натягивается обвязанная вокруг бедра кроваво-красная лента, будто на конце её повисла глыба весом не меньше самой Интегры, врезаётся в кожу, и Интегра инстинктивно цепляется за Уолтера ногой сильнее, прежде чем в голову приходит, что странно...

Скользкой рукой Уолтер хватает её за щёку, резко шепчет: «Нет!», когда Интегра едва не оглядывается, а на повязанной вокруг бедра ленте правда что-то висит, раскачивается, тянет вниз, заставляя Интегру крепче ухватиться за плечо, кажется, больное, за талию Уолтера, его ноги в ответ оплетаются вокруг её свободной лодыжки, «только не оглядывайтесь», и когда уже вытянутая будто до тонкости струны лента грозит едва ли не перетереть ногу пополам, что-то прохладное хватается за бедро Интегры, заставляя её вскрикнуть, попытаться высвободиться, и только рука Уолтера на щеке удерживает её, только отрывистый, близкий, губы к губам шёпот: «Нет способа вернее...» — «Алукард», — неверяще выдыхает Интегра, и горечь поцелуя Уолтера подтверждает догадку.

Натяжение на ленту спадает, зато располза-

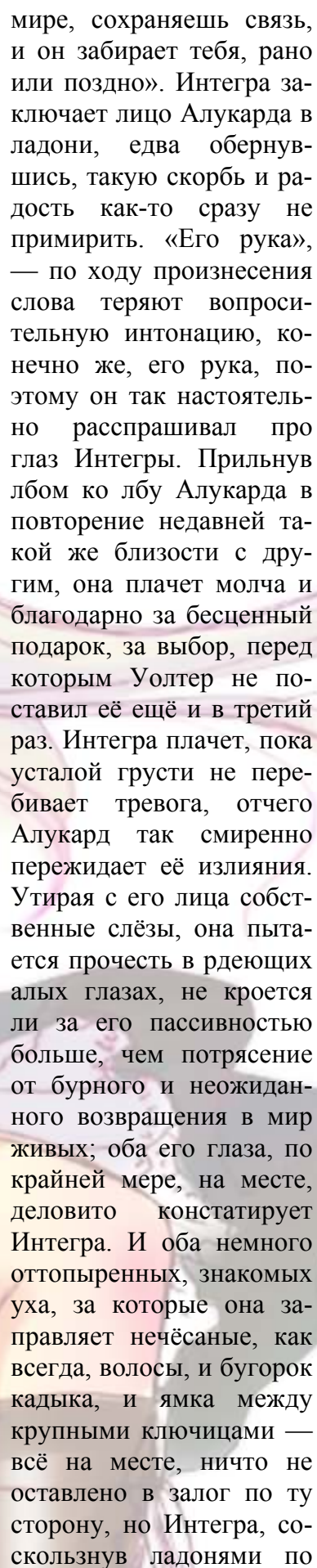
ется по бедру крепкая хватка, и вокруг талии оплетается тоже, вцепляется прямо в пупок, повисает тяжесть, будто кто-то, выбираясь из разверзшейся прямо за краем койки бездны — Интегра не видит, что у неё за спиной, но готова поклясться, что больше не ровная светлая стена палаты, — хватается за её тело, подтягивается обеими руками. Нет, тремя: скользит гладкой сухой змеёй по рёбрам, оплетается вокруг одной груди, и Интегра едва сдерживает новый крик, испугавшись вначале, что за грудь её ухватятся, дёрнут с той же бездумной силой, что и ниже; затем же она цепенеет, видя не руку, а свитое из густой черноты щупальце — одно из многих обличий Алукарда, бояться нечего, уговаривает себя она. Точно такое же щупальце, чувствует Интегра, ползёт вверх вдоль её бедра, по проведённому Уолтеру скользкому, смешанному с её кровью направляющему следу, тычется в пересохшие складки, где и следа недавнего возбуждения не осталось. В пугающей синхронности с происходящим Уолтер облизывает пальцы, оставляя плёнку густой слюны, и размазывает её там, внизу, помечая вход, облегчая готовящееся вторжение. Вот только откуда быть уверенной, что за спиной у неё именно Алукард, осеняет вдруг Интегру, мало ли кто, что скрывается за сотканым из живой тьмы

обличием, мало ли кого Уолтер, предавший её уже один раз, вызвал её кровью незнамо откуда, предаёт в полное распоряжение за очередной сомнительный шанс продлить собственное существование, он, упорно выживающий, упорно бегущий от смерти, от самой смертной доли? И может, не в подорванном здоровье кроется причина его бессилия, а в том, что руководствуется он холодным расчётом, не бурлящей в крови страстью? Интегра дёргается, пытается разом сбросить хватку, лапающие её руки и конечности с обеих сторон, и Уолтеру, единственная рука которого погружена в интимнейшую впадину её тела, остаётся только впиться в губы метким поцелуем, жёстким, зубами прихватить кончик языка, с которого готовы сорваться протесты и проклятия, с отчаянием, в котором Интегра соглашается, смиряясь, признать отчаянную попытку помочь со стороны человека, который служил ей верно десять лет, а не отчаяние раскрытого предателя. Получив наконец обратно свободу и дыхание, она зовёт: «Алукард!», укрепляет нить своего приказа и своей крови своим зовом, притирается, зажмурившись, лбом ко лбу Уолтера, длинноватым прямым носом — к его носу, когда в растерзанное отверстие жадно вдалбливается, растягивая, разрывая, холодящий отросток, господи,

сколько в нём ещё может быть длины, и толщины, и нетерпеливой животной похоти; и сбивчивый, неразборчивый шёпот Уолтера на её губах помогает сдержаться лучше, чем рука в её промежности, пытающаяся привнести в это безумное соитие хотя бы капельку удовольствия, как и грубо, но чувственно ласкающая рука на её груди — бледная до синевы, с толстыми ногтями, больше похожими на когти, но всё-таки рука, не сгусток тьмы. Как никогда Интегра жалеет, что не уступила ухаживаниям Алукарда раньше: узнавала бы тогда наверняка и прикосновения его рук, и толчки его члена внутри, и льнувшее сзади напористое, придавливающее её к Уолтеру теснее тело, и жадно впивающиеся в плечо губы, и расстояние между легонько покалывающими клыками. «Не смей!» — хрипло роняет она на вышибаемом из неё очередным резким толчком выдохе, а когда Уолтер мечет ей за спину яростный взгляд, щерится почти по-вампики, Интегра облегчённо улыбается, разрешается от последних сомнений. В грубом, неистовом соитии признаёт она, перенимает бешеное ликование в честь возвращения в бытие. Вжатая в худое тело Уолтера, она животом ощущает твёрдость его ожившего органа, и эйфорической гармонией замыкается в теле смутная радость, что она сможет воздать ему благо-

дарностью, пускай и не слишком уютной ещё для неё самой, но которой он явно желает. Имя Уолтера не срывается с губ только сдержанное предусмотрительно прижатыми к ним пальцами. Не сразу Интегра понимает, что пальцы эти принадлежат второй руке помолодевшего Уолтера, и будто понимание её выдёргивает вдруг из реальности, перекидывает гибко изогнутое, изломанное тело куда-то за спину Интегры, в неизвестность, которая завихрится жадной воронкой, поглощающей всё и вся — и её дворецкого, и её крик, и саму Интегру готовой затянуть за волосы, за каждый клочок кожи, за полыхнувший болью раненный глаз, если бы не пригвоздившая её сверху бесчисленными руками, вонзённым в неё членом масса, если бы не собственные, до онемения вцепившиеся в края койки руки...

Интегра произносит «Уолтер» с опозданием, а быть может, напротив, когда безопасно уже его имя произнести, когда за спиной снова маячит всего-навсего блеклая стена, а об Уолтере напоминает лишь раскачивающаяся игла капельницы, будто только что извлечённая им из вены. «Уолтер», — повторяет Интегра из глубины разбитого, растерзанного тела, и низкий голос за спиной задумчиво отзывается: «Когда оставляешь часть себя в другом

мире, сохраняешь связь, и он забирает тебя, рано или поздно». Интегра заключает лицо Алукарда в ладони, едва обернувшись, такую скорбь и радость как-то сразу не примирить. «Его рука», — по ходу произнесения слова теряют вопросительную интонацию, конечно же, его рука, поэтому он так настоятельно расспрашивал про глаз Интегры. Прильнув лбом ко лбу Алукарда в повторение недавней такой же близости с другим, она плачет молча и благодарно за бесценный подарок, за выбор, перед которым Уолтер не поставил её ещё и в третий раз. Интегра плачет, пока усталой грусти не перебивает тревога, отчего Алукард так смиренно переживает её излияния. Утирая с его лица собственные слёзы, она пытается прочесть в рдеющих алых глазах, не кроется ли за его пассивностью больше, чем потрясение от бурного и неожиданного возвращения в мир живых; оба его глаза, по крайней мере, на месте, деловито констатирует Интегра. И оба немного оттопыренных, знакомых уха, за которые она управляет нечёсанные, как всегда, волосы, и бугорок кадыка, и ямка между крупными ключицами — всё на месте, ничто не оставлено в залог по ту сторону, но Интегра, соскользнув ладонями по

плечам, проводит всё-таки бдительно вдоль его рук, вдруг недостаёт какой-то твёрдой, резко очерченной мышцы, рокового фунта, грамма плоти, перебирает тяжёлые кисти, каждый палец с толстыми, похожими на затуплённые когти ногтями, и, возвращаясь снова вверх, изучает узор волос на груди, сожалея снова, что не узнала, не запечатлела в памяти его раньше до последнего волоска, прихватывает маленькие твёрдые соски, обведённые тёмно-лиловым, такие нелепые, совершенно бесполезные мужскому телу рудименты, но главное, что на месте оба, и можно спокойно проследовать ниже, прочувствовать переплетения мышц на впалом животе, заглянуть в ложбинку пупка — не затерялся ли там сгусток коварной тьмы? — по-хозяйски огладить член, хранящий ещё тепло и влагу её ноющего от боли и от разгорающегося заново желания лона, единственный дерзостью встречающий ревизию Интегры, которая бесцеремонно проверяет и другие придатки мужской анатомии, с ними, покалывает печаль, близко она ознакомились не далее, как сегодня, и, оставляя позади разочарованный вздох Алукарда, спускается ещё ниже, вдоль мощных бедер, бледных коленей, рельефных голеней к костля-

вым стопам, пугающим её холодом отставленных больших пальцев, на которых она слишком часто видела бирки покойников, и её пальцы невольно охватывают, вклиниваются между ледышками пальцев ног, пересчитывают на ощупь, сжимают и согревают, и, накрывая волосами, прижимаясь губами к подъёму стопы, Интегра заявляет рвущуюся из груди горячую претензию на всё пересчитанное.

«Эй, — с другого конца своего роста смеётся Алукард, выглядывая из-за покачивающегося члена. — Иди же сюда. Я тоже хочу удостовериться, что у тебя всё на месте, сумасшедшая ты женщина. Рисковать своим телом, а то и большим, неизвестно ради кого: не видя лица, не спросив имени!» И вторя его смеху, Интегра приходит праздновать в его объятия, радоваться ему целому, удостоверившись, что все части на месте, не вспоминает только о ленте бордового шёлка, о дорожке из крови с привкусом серебра, о путеводной нити, следуя которой находит Интегра слугу своего.

Автор: Rendski

Над номером работали:

Александр Маяков

Антон Горяцкий

Раиса Твердая

и прочие (есть и))

**В
семье
не
без
анимешника**

P.S.

литературное
интернет
издание